

Конечно, мои старания имели неожиданный побочный эффект - они мотивировали других девочек. Думаю, таким девушкам, как Сакура и Ино, имевшим высокие академические баллы, было легко расслабиться, когда куноичи, занимавшая первое место по физическим показателям, была Хината, лишь немного выше середины класса. Она была лучше технически, но ей не хватало агрессии, чтобы по-настоящему конкурировать. А если учесть, что удары Дзюкен вообще были запрещены, то она оказывалась в невыгодном положении. Но никто не любит, когда его затмевают или постоянно роняют на задницу, и она была искренне заинтересована в том, чтобы показать мне себя. Или, по крайней мере, заставить меня перестать надирать им задницы.

В дни, когда разрешалось использовать Дзюкен, Хината была худшим противником для меня. Несмотря на то что в этом возрасте она могла использовать только атаки руками, они ограничивали зоны, по которым я мог наносить удары. Руки имеют большой радиус действия и могут двигаться очень быстро. Единственная область, которая была действительно свободна от их действия, - ниже колена, но и это компенсировалось некоторыми нижними стойками. Такой бой с Хинатой, как никакой другой, заставлял меня думать наперед. Единственным ударом, который я мог нанести без опаски, был подкат ногой, но даже он ставил меня в зону захвата. Я был вынужден финтить, кружить и уклоняться от каждого удара. В какой-то степени я делал это и с остальными, предугадывая, куда и как они ударят, как я смогу ответить, как маневрировать, чтобы они заняли наиболее выгодную для меня позицию. Было интересно экспериментировать.

Но именно бой с Хинатой заставил меня решиться на поиск противодействия Дзюкену. Либо испускать чакру, чтобы служить щитом, либо, возможно, использовать собственную тень, чтобы принимать эти удары. Дзюкен причинял боль. Вторжение чужой чакры в мою систему, насильственное, жестокое, было мучительным. Это было похоже на то, как если бы меня одновременно кололи, жгли, замораживали и били током. В первый раз, когда мы сражались, я был выведен из строя одним лишь скользящим ударом. Я вообще очень, очень плохо переносил это.

Когда бы мы ни дрались, большинство класса болело за нее. Моя привычка быстро побеждать людей делала меня непопулярным противником, и все охотно поддерживали ее, чтобы она победила меня. Я не осуждал ее за это, потому что она была искренне милой девушкой, хотя и очень застенчивой, и это было то, чему я мог посочувствовать. Она всегда была готова разблокировать мое тенкетсу, застенчиво извиняясь, независимо от того, кто из нас победил.

На втором курсе я впервые и единственный раз увидел Итачи Учиху. Я хорошо знал Сасукэ, поскольку учился в его классе, но Итачи вылетел у меня из головы. Это случилось. Трудно было вспомнить точные детали того, что составляло лишь малую часть моей жизни. Даже такие важные детали, как эта.

"Это мой Итачи-нии", - сказал Сасукэ, представляя старшего мальчика, пришедшего забрать его из школы. Обычно за ним приходила мать, но не сегодня. В его голосе было столько гордости, столько обожания к брату. Мое сердце сжалось от чувства вины: я знал, знал, что скоро он будет сломлен и разбит.

"Привет, - сказала я едва слышно, глядя себе под ноги. Итачи, уже джоунин, уже АНБУ.

Готовый пожертвовать всем ради брата и деревни. Что бы он сделал, если бы узнал то, что знаю я?

Я не мог даже помыслить об этом. Я был слишком эгоистичен. Я знал, что не стану вмешиваться. Я позволил бы этим ужасным и отвратительным вещам происходить, потому что они не касались меня. Не касались моей семьи и моего маленького безопасного мира.

Как бы я ни говорил себе "я ничего не могу сделать", я знал, что в глубине души я просто эгоистичный трус.

Вскоре после этого нам исполнилось семь лет, и клан Учиха лежал разбитый. Вся Коноха пребывала в мрачном, потрясенном настроении. Какие бы заявления о притеснениях и ненависти ни делал Мадара, сейчас они не были заметны. Это были люди, потерявшие друзей, соседей, товарищей - люди в трауре.

Сасукэ не возвращался в школу несколько недель. Когда он вернулся, то был бледен, с дикими глазами, раздражителен и угрюм. Он избегал всех, а во время обеда выбрал место подальше от остальных. Он сидел спиной к дереву на краю поля. Это было настолько уединенное место, насколько он вообще мог уединиться, учитывая, что только ученикам выпускного класса разрешалось покидать территорию на переменах. Группа девушек (в том числе Ино и Сакура) сидела неподалеку, бросая на него взгляды и болтая. То ли их уже оттолкнули, то ли им не хватило смелости подойти к нему.

Я смотрел, как он уходит, и дергал Шику за руку. Он чертовски хорошо понимал, что я имею в виду. Это должно было бы пугать, но я почувствовал облегчение от того, что мне не пришлось выражать это словами. В любом случае, я не уверен, что сказал бы.

"Неприятности", - сказал Шикамару, но скорректировал наш курс. Чоуджи, благослови его Бог, последовал за ним без комментариев.

Мы сидели, не говоря ни слова.

Сасукэ напрягся и оскалился, злой, расстроенный и опечаленный. Я не сомневался, что он может быть довольно жестоким. "Что, по-твоему, ты делаешь?" прошипел он.

Я вздрогнул, но Шикамару только зевнул. "Сижу, обедаю", - сказал он.

"Ну так сиди где-нибудь в другом месте! Я здесь!"

"Ты можешь сесть с нами, Сасукэ-кун!" нетерпеливо воскликнула Ино.

Он бросил на них взгляд, наполовину полный гнева, наполовину отвращения.

"Ты идешь сегодня на урок к Судзуме-сенсей, Ино?" спросил я, решив, что пора вмешаться. Я не думал, что нам стоит сильно давить. Была очень большая разница между тем, чтобы приобщить Сасукэ к делу, и тем, чтобы ему надоедать.

Конечно, Ино собиралась, она никогда не пропускала занятий, но восприняла замечание в том духе, в котором оно было сказано, - как зачин для разговора, и принялась весело болтать со мной о наших уроках. Через некоторое время к ним присоединилась Сакура, а затем и другие девочки, в то время как Чоуджи и Шика мирно обедали позади нас. Сасукэ был один, но не исключение. Он был частью группы, и его никто не беспокоил. Может быть, мы сможем побороть его склонность к одиночеству.

Не знаю, помогло ли это, но хоть что-то. И если я делала это, чтобы унять чувство вины в своем сердце... что ж, это было мое личное дело.

И вот в семь лет мы были готовы приступить к обучению нашему семейному искусству. Нара верят в планы на случай непредвиденных обстоятельств. Каждый человек в клане, будь то ниндзя или гражданский, знает хотя бы теорию дзюцу Обладания Тенью. Таким образом, если с кланом что-то случится, будет кому передать эти знания. Может, они и не ожидали, что я выучу это, но меня все равно научили.

И это был мой шанс доказать, что я могу.

<http://tl.rulate.ru/book/101002/3469199>